
ИСТОРИОГРАФИЯ

«РУССКАЯ ШКОЛА» ИСТОРИОГРАФИИ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ XVIII в.: ВЫБОР ПУТИ

А.В. Чудинов

В 1911 г. читатели популярного российского журнала «Вестник Европы» нашли на страницах его апрельского номера обзор новейших отечественных исследований о Французской революции XVIII в., принадлежавший перу профессора Петербургского университета Николая Ивановича Кареева. Автор обзора, маститый историк, глубоко уважаемый не только на родине, но и за рубежом, уже в своих первых строках уверенно констатировал:

«Из ученых, не принадлежащих к французской национальности, никто так много за ближайшие 30-35 лет не сделал для изучения французской революции и старого порядка, как русские историки, с которыми в этом отношении не могут быть даже сравнимы историки, принадлежащие к другим национальностям»¹.

Александр Викторович Чудинов — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

В основу статьи положен текст выступления автора на международной конференции «Европа в России: культурные и научные связи от Петра I до Серебряного века» (Париж, ноябрь 2008 г.), организованной в рамках программы GDRE. Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 07-01-94651а/Фр «Россия и Западная Европа: взаимовлияние культур, контакты и посредники (с начала XVII века до конца 1920-х годов)».

1 *Кареев Н.И.* Последние работы русских ученых о французской революции // Вестник Европы. 1911. № 4. С. 318.

Год спустя в другом обзоре научной литературы по той же тематике, сделанном для «Исторического обозрения», Кареев почти дословно повторил эту мысль, добавив: «Уже одно то, что успело сделаться известным во Франции, благодаря переводам, дало повод французским критикам говорить о существовании особой “русской школы” в историографии французской революции»².

В словах мэтра не было ни малейшего преувеличения: в конце XIX – начале XX вв. многие труды российских специалистов по истории Революции, действительно, были переведены и опубликованы во Франции. Позднее, в конце XX в., многие из этих переводов будут еще и переизданы³. Никогда – ни до, ни после – российские исследования по французской истории XVIII в. не публиковались так часто за рубежом, как в тот период.

Примечательно то, что столь высокого признания российские историки добились за невероятно короткий отрезок времени. Если в других странах, к примеру, в Англии или Германии, истоки национальной историографии Французской революции восходили еще к трудам ее современников, то в России разработкой этой темы историки занялись довольно поздно – лишь в эпоху реформ Александра II. 6 сентября 1868 г. молодой преподаватель Московского университета Владимир Иванович Герье (1837-1919) открыл курс лекций о Французской революции, положив начало ее изучению в нашей стране⁴. И всего через полтора-два десятилетия в России появились труды о ней на уровне лучших образцов мировой историографии.

2 Кареев Н.И. Эпоха французской революции в трудах русских ученых за последние десять лет (1902-1911) // историческое обозрение. СПб., 1912. Т. 17. С. 13.

3 *Guerrier W.* L'abbé de Mably moraliste et politique, étude sur la doctrine morale du jacobinisme puritain et sur le développement de l'esprit républicain au XVIIIe siècle. P., 1886 (Repr. Genève, 1971); *Loutchisky J.* De la Petite propriété en France avant la Révolution et la vente des biens nationaux. P., 1897; *Idem.* L'État des classes agricoles en France à la veille de la Révolution. P., 1911; *Idem.* La propriété paysanne en France à la veille de la Révolution (principalement en Limousin). P., 1912; *Idem.* Quelques remarques sur la vente des biens nationaux. P., 1913 (работы И.В. Лучицкого 1897 и 1913 гг. были переизданы позднее под одной обложкой, см.: *Loutchisky I.* Propriété paysanne et ventes des biens nationaux pendant la Révolution française / Introd. de B. Bodinier et É. Teyssier. P., 1999); *Karéïew N.I.* Les paysans et la question paysanne en France dans le dernier quart du XVIIIe siècle. P., 1899 (Repr. Genève, 1974); *Ardascheff P.* Les intendants de province sous Louis XVI. P., 1909 (Repr. Genève, 1978); *Kovalewsky M.* La France économique et sociale à la veille de la Révolution, 2 vol. P., 1909-1911.

4 См.: *Иванова Т.Н.* В.И. Герье и начало изучения Великой французской революции в России (по материалам лекционных курсов Герье) // Великая французская революция и Россия. М., 1989.

Не удивительно, что феномен «русской школы» исследований о Французской революции уже не одно десятилетие привлекает внимание историков. Существуют многочисленные работы, посвященные как «школе» в целом, так и ее отдельным представителям⁵. Тем не менее, до сих пор далеко не все аспекты этой темы разработаны в достаточной степени. Большинство авторов охотно подчеркивает характерные особенности «русской школы», прежде всего, ярко выраженный интерес к социально-экономическим и, особенно, аграрным проблемам, возникший под влиянием народнических идей. В то же время, вопрос о точках ее соприкосновения или, напротив, расхождения с другими, современными ей течениями мировой историографии Французской революции затрагивается гораздо реже. Между тем, он представляется ничуть не менее важным, чем выявление характерных черт «русской школы»: ведь, чтобы судить о роли того или иного направления в истории мировой исторической науки, необходимо соотносить его со всем спектром современных ему исследований.

Такая постановка вопроса тем более обоснованна, что с начала своего существования «русская школа» была тесно интегрирована в мировую науку (в отличие, к примеру, от пришедшей ей на смену советской историографии, существовавшей, по крайней мере на первых порах, достаточно автономно). Показателен пример самого основателя «русской школы» В.И. Герье. Его предки были своего рода «гражданами Европы»: дед покинул Францию во время Революции XVIII в., поселился в Гамбурге и завел там собственное книжное дело; отец в начале 1830-х гг. переехал из Германии в Россию, где женился на обрусевшей немке. Соответственно, для будущего ученого родными оказались сразу три языка, на которых говорили в его семье – русский, французский и немецкий⁶. Профессиональное становление Герье также проходило в

5 Назову лишь некоторые труды, по которым можно проследить общую эволюцию исследований данного феномена за последние десятилетия: Вебер Б.Г. Историографические проблемы. М., 1974; Далин В.М. Историки Франции XIX-XX веков. М., 1981; Мягков Г.П. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань, 2000. Из новейших работ об отдельных представителях «русской школы» обращу внимание на следующие сборники материалов конференций, по которым читатель может составить общее представление о современном уровне разработки соответствующих сюжетов: Николай Иванович Кареев: человек, ученый, общественный деятель / Под ред. В.П. Золотарева. Сыктывкар, 2002; История идей и воспитание историей: Владимир Иванович Герье / Под ред. Л.П. Ретиной. М., 2008.

6 См.: Иванова Т.Н. Частная жизнь профессора В.И. Герье // История идей и воспитание историей.

нескольких странах. По окончании в 1858 г. Московского университета, он защитил в 1862 г. магистерскую диссертацию⁷ и продолжил образование в Западной Европе – университетах Германии, Италии, Франции и Швейцарии. Особенно сильное впечатление на него произвели лекции и семинары немецких историков Р. Кёпке, Л. Гейсера, Э. Дюммлера, Г.Трейчке и Я. Буркхарда⁸.

Из-за границы Герье вернулся убежденным гегельянцем. История, считал он, должна изучать, прежде всего, развитие идей и государственных институтов. Эти соображения определили и выбор им темы докторской диссертации «Лейбниц и его век», защищенной в 1867 г., а затем опубликованной в России и Германии⁹. Приступив к чтению лекционного курса по истории Французской революции, Герье изменил направление и своих научных штудий. Переключившись с германских сюжетов на французские, он занялся изучением творчества аббата Мабли, чьи идеи, по мнению Герье, оказали во многом определяющее влияние на мировоззрение революционеров конца XVIII в.

Как и любой исследователь, обращавшийся к теме Французской революции, Герье должен был так или иначе определить свое отношение к современным ему направлениям ее историографии. В 1870-е гг., когда он работал над своими первыми трудами об эпохе Революции, в центре внимания не только ее профессиональных историков, но и широкой читающей публики и Франции, и России, оказался труд французского исследователя Ипполита Тэна «Происхождение современной Франции», первый том которого увидел свет в 1876 г.¹⁰

Сочинение Тэна встретило довольно неоднозначный прием. С одной стороны, либеральная публика, воспитанная на апологетических по отношению к Революции произведениях А. Тьера, Ф.Минье, Ж.Мишле и других классиков историографии этой темы, была чрезвычайно раз-

С. 64-65.

7 Герье В.И. Борьба за польский престол в 1733 году. М., 1862.

8 См. выдержки из отчетов В.И. Герье о зарубежной командировке: Журнал Министерства народного просвещения. 1863. Ч. 117. С. 244-253; Ч. 119. С. 422-427; 1864. Ч. 121. С. 273-284. См. также: Кореева Н.С. Заграничные командировки и их роль на пути к «нелегкому и ответственному профессорству»: В.И. Герье // История идей и воспитание историй.

9 Герье В.И. Лейбниц и его век. 2 т. СПб., 1868-1871; *Guerrier W. Leibniz in seinen Beziehungen zu Russland und Peter dem Grosse. Leipzig, 1873.*

10 *Taine H. Les Origines de la France contemporaine. T. 1. L'ancien régime. P., 1876.*

дражена тем критическим тоном, в котором Тэн писал о революционном движении, и окрестила его труд «реакционным памфлетом»¹¹. С другой стороны, даже те, кому работа Тэна решительно не нравилась, были вынуждены признать впечатляющую эрудицию автора, поскольку сочинение изобиловало ссылками на архивные фонды. Позднее автор посвященной Тэну редакционной статьи либерального российского журнала «Современный мир» так описывал двойственное впечатление у поклонников Французской революции от его книги:

«Тэн был общепризнанным авторитетом; с ним, скрепя сердце, считались даже люди, ненавидевшие его воззрения, и все потому, что его эрудиция – даже в самых отъявленных врагах его – не встречала сомнений»¹².

В 1878 г. Герье подробно проанализировал труд Тэна в пространной статье, опубликованной в четырех номерах журнала «Вестник Европы»¹³. Его отношение к этому сочинению решительно отличалось от преобладавшего среди либеральной общественности мнения. Герье решительно отверг любые идеологические интерпретации работы Тэна – как *за*, так и *против* – и призвал судить о ее достоинствах исключительно с научной точки зрения:

«Сочинение Тэна вовсе не имеет характера политического памфлета. В нем меньше риторики, чем вообще во французских книгах, в нем даже мало общих рассуждений, но зато оно наполнено фактами и цитатами из источников – изданных и не изданных – в таком изобилии, как никогда до Тэна не позволял себе предлагать французской публике ни один из ее любимых писателей...»¹⁴

Высоко оценив научное содержание работы Тэна, Герье, однако, высказал о ней и ряд критических замечаний, обвинив автора в определенной «односторонности». Ее причину он видел в примененном французом исследовательском методе, который сам Тэн называл «натуралистическим» (то есть аналогичным принятому в естественных науках), но который сегодня принято называть «позитивистским»: Тэн стремился опираться в своем исследовании, прежде всего, на первичные,

11 Подробнее см.: *Итенберг Б.С.* Россия и Великая французская революция. М., 1988. Гл. 7. Российская общественность и книги Ипполита Тэна о Французской революции конца XVIII в.

12 Современный мир. 1908. № 10. С. 132.

13 *Герье В.И.* Ипполит Тэн как историк Франции // Вестник Европы. 1878. Т. 5. № 4-5, 9, 12.

14 Там же. № 9. С. 236-237.

конкретные факты и, только установив их, переходить от частных к обобщениям. Такой подход Герье считал излишне ограниченным:

«Тэн, по нашему мнению, сделал все, чего может достигнуть талантливый писатель посредством этого метода; он, можно сказать, извлек из своего микроскопа всю пользу, какую можно было из него извлечь; но дело в том, что это был микроскоп, который годится не для всякого рода наблюдений. Наша критика сводится к тому, что Тэн, вооружившись своим методом, стал изучать французскую революцию с такой стороны, на которую прежде обращали недостаточное внимание; но при этом сам упустил из виду главные стороны дела»¹⁵.

«Главным» же во Французской революции Герье, являвшийся тогда убежденным гегельянцем, считал некое «духовное содержание», которое, полагал он, по-своему присутствует во всех крупных исторических событиях, являясь частным отражением общего смысла истории. По его мнению, Революция XVIII в. «представляет собою, прежде всего, попытку осуществить и провести в жизнь идеи и доктрины, развитые рационалистической философией в области религии, этики, политики и вообще человеческой культуры»¹⁶. Помимо «переворота в умственной жизни» Герье относил к главным аспектам Революции и «чисто государственный переворот» — централизацию власти, разрушение «феодализма» (этим понятием он обозначал систему прежних государственных и правовых институтов в самом широком смысле слова) и утверждение принципа демократии¹⁷.

Ну а поскольку те максимально «заземленные» факты истории революционной повседневности будней революции, которые приводил Тэн, опираясь на архивные источники, практически никак не были связаны с подобными генерализациями, Герье считал его подход недостаточным для понимания общего смысла происшедшего:

«Французская революция имеет свое духовное содержание, подобно другим великим историческим событиям. Это-то духовное содержание, заключающееся в революции, Тэн не мог усмотреть по вине усвоенного им исторического метода»¹⁸.

15 Там же. С. 238.

16 Там же. С. 239.

17 См.: Там же. С. 240-241.

18 Там же. С. 249.

Таким образом, в отличие от большинства других либеральных авторов, Герье критиковал Тэна только за методику исследования, а не за политические или идеологические воззрения.

В 1880-е гг. выходили все в свет новые тома Тэна, и каждый из них вызывал и во Франции, и в России очередной всплеск эмоционального обсуждения. Принял в нем участие и Герье, опубликовав в 1890 г. большую статью о творчестве Тэна в целом.

Те двенадцать лет, что отделяли новую работу Герье о Тэне от предыдущей, явно не прошли даром для российского ученого: его восприятие позитивизма стало за это время намного более толерантным, причиной чему, в частности, было благоприятное впечатление от тех научных результатов, которые Тэн получил, применяя позитивистский метод исследования. Гораздо мягче стало и отношение Герье собственно к Тэну, которого он теперь оценивал как одного из «самых талантливых и влиятельных историков нашего времени»¹⁹.

Если ранее Герье относился с известным скепсисом к привнесению в историографию его французским коллегой методов, заимствованных из других наук, то теперь, когда накопилось достаточно материала, чтобы судить об эффективности применения таких методов, Герье счел подобное новаторство одной из несомненных заслуг Тэна:

«Верный общему направлению своего ума и всей своей ученой деятельности, Тэн пытался самую историю поставить на научную почву, выработать для нее общую теорию и придать ей такую же точность и систематичность исследования и такую же безошибочность результатов, какими обладают науки естественно-исторические и математические»²⁰.

Особенно высоко Герье оценивал усилия Тэна по исследованию культурной среды изучаемой эпохи и «национального духа», под которым понималась совокупность массовых представлений и традиционных практик того или иного народа, то есть нечто близкое к тому, что сегодня обозначается понятием «менталитет». Изучение подобных аспектов позволяло, по мнению Герье, раздвинуть границы исторических исследований и использовать в качестве источника практически любой объект культуры:

19 Герье В.И. Ипполит Тэн и его значение в исторической науке // Вестник Европы. 1890. № 1. С. 5.

20 Там же..

«Мы видели, что, применяя исторический метод к объяснению литературных и художественных памятников, Тэн расширил пределы истории. Мы видели, как он обогатил историю новыми документами и новым фактическим материалом, обращая самые сухие памятники литературного творчества в живые свидетельства прошлого. <...> Теперь, став отражением общей истории, литература и искусство получили характер исторических явлений, и изучение их сделалось изучением исторического прогресса народной жизни»²¹.

Другим важным достижением Тэна Герье считал применение в исторических исследованиях психологического метода. Действительно, французский ученый являл собою редчайший пример энциклопедически эрудированного исследователя, внесшего значительный вклад в развитие столь несхожих и далеких друг от друга дисциплин, как история и психология. И хотя сегодня о заслугах Тэна в области психологии вспоминают, в основном, лишь специалисты по истории науки, в свое время его труд «Об уме»²² стал одной из важнейшей вех в становлении этой дисциплины. В 1890 г., когда Герье опубликовал свою статью, Тэн являлся признанным авторитетом в области психологии. Применение же психологического метода в исторических исследованиях и вовсе было принципиально новым словом в историографии. Как позднее признает классик изучения Революции XVIII в., французский историк Ж. Лефевр, именно благодаря Тэну «коллективная психология стала для историка необходимым инструментом исследования»²³. Но еще раньше эту заслугу Тэна отметил Герье:

«Тэн не ограничился провозглашением принципа, что история должна быть прикладной психологией, что историк, изображая известную эпоху или людей известной эпохи, должен сделаться психологом; он сам следовал этому принципу и во многих его сочинениях мы можем встретить применение его психологического метода»²⁴.

И наконец, Герье воздал Тэну должное за то, что французский историк, словно средневековый номиналист, отвергал реальность существования отвлеченных понятий, и старался идти от сугубо эмпири-

21 Там же. С. 23-24.

22 *Taine H. De l'intelligence. P., 1870. 2 vol.*

23 *Lefebvre G. La naissance de l'historiographie moderne. P., 1971. P. 247.*

24 *Герье В.И. Ипполит Тэн и его значение в исторической науке. С. 26.*

ческого материала²⁵. Впрочем, в этой констатации Герье ничего принципиально нового не было: как мы видели, нечто подобное он отмечал у Тэна еще двенадцатью годами ранее, правда, тогда это скорее было поводом для упрека, теперь же, напротив, для похвалы. Очевидно, методологические предпочтения самого Герье за эти двенадцать лет тоже эволюционировали.

Однако неизменным в позиции Герье и двенадцать лет спустя осталось то, что основатель «русской школы» историков Французской революции по-прежнему, в отличие от других критиков Тэна, анализировал его работы исключительно с профессиональной точки зрения, абстрагируясь от политических взглядов автора. Позднее, в советское время, подобное отношение Герье к творчеству Тэна станут объяснять «реакционностью» политических взглядов обоих. Так, в известном коллективном труде 1941 г. о Французской революции говорилось:

«За разработку французской революции брались и реакционные русские ученые (Герье, Ардашев), полемизировавшие с передовыми представителями буржуазной историографии и солидаризировавшиеся с реакционными французскими историками – Тэном и другими авторами того же направления»²⁶.

Однако в основе такого объяснения лежал явный анахронизм. Политические воззрения Герье приобрели достаточно выраженный консервативный характер лишь со времени первой русской революции 1905-1907 гг. Его политическое кредо 1890-х и уж тем более 1870-х гг. точнее определить как умеренно либеральное. Герье активно боролся за университетские свободы, за высшее образование для женщин (в 1872 г. он стал основателем и первым руководителем Московских высших женских курсов) и за сохранение в университетской программе курса Новой истории стран Запада, который консерваторы все время пытались сократить, считая «излишне революционным». Не удивительно, что обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев с осуждением называл тогда Герье «известным московским агитатором и оратором»²⁷. «Реак-

25 Там же. С. 48.

26 Французская буржуазная революция 1789-1794 / Под ред. В.П. Волгина и Е.В. Тарле. М., Л., 1941. С. 714.

27 Подробнее см.: *Савельев П.Ю.* Владимир Иванович Герье: человек, ученый, педагог и общественный деятель // История идей и воспитание историей. С. 9; Воробьева И.Г. В.И. Герье и Н.А. Попов – университетские профессора (по материалам переписки) // Там же. С. 98.

ционером» Герье, конечно же, не был.

Дело в другом: Герье всегда весьма негативно относился к принесению политики в исторические исследования. Это проявилось еще во время его учебы в университете. Тогда среди студентов образовалось два кружка по интересам: «социалисты» те, кого привлекала политика, и «консерваторы» те, кто отдавал приоритет исключительно профессиональному совершенствованию. Герье принадлежал ко вторым и, более того, активно участвовал в затеянной ими акции протеста против слабого преподавания одного из предметов²⁸.

Позднее, сравнивая российскую и западноевропейскую историографию всеобщей истории, он подчеркивал, что российские ученые обладают по сравнению с европейскими таким важным преимуществом, как возможность сохранять политическую беспристрастность:

«Всеобщая история имеет пока для русского совершенно иное значение, чем для западного человека. Немец, француз или англичанин не в состоянии отделить всеобщей истории от своей национальной, ибо из взаимодействий наций слагалась всеобщая история. На западе всякий принадлежит к какой-нибудь из старинных партий, корни которых кроются в далеком прошлом и взаимная борьба которых составляет содержание истории. Для русского всеобщая история есть история человеческой цивилизации, на которую он смотрит как на свершившейся процесс. Спокойно и беспристрастно может он вглядываться в этот процесс, волнуясь и скорбя там, где гибла цивилизация и останавливалось дело прогресса, радуясь там, где оно торжествовало. Он не связан преданием и инстинктивным, наследственным влечением к тому или другому началу, к той или другой из исторических партий...»²⁹.

Позднее, во время и после революции 1905-1907 гг. Герье примет участие в деятельности партии октябристов, что наложит определенный отпечаток политического консерватизма и на его оценки событий более далекого прошлого. Однако в период становления «русской школы» он был ярко выраженным сторонником критического и далекого от какой бы то ни было политической апологетики подхода к изучению истории, в том числе (и особенно) истории Французской революции XVIII в. Ге-

28 См.: Чичерин Б.Н. Воспоминания. М., 2001.

29 Сл. [Герье В.И.] Т.Н. Грановский в биографическом очерке А. Станкевича // Вестник Европы. 1869. № 5. С. 412.

рье предлагал молодой «русской школе» тот самый независимый путь, о котором несколькими десятилетиями ранее писал А.И. Герцен:

«Западноевропейский историк – судья и тяжущийся вместе, в нем не умерли семейные ненависти и распри, он – человек какой-нибудь стороны, иначе он апатический эгоист; он слишком врос в последнюю страницу истории европейской, чтобы не иметь непосредственного сочувствия с первою страницей и со всеми остальными. Нет положения объективнее относительно западной истории, как положение русского»³⁰.

Но российская историография Французской революции пошла тогда другим путем...

К тому времени, когда в России этой тематикой занялись профессиональные историки, среди значительной части российской просвещенной публики уже не одно десятилетие преобладало такое отношение к Французской революции, которое Герцен с полным основанием определял как «культ»³¹. Идеализированный образ этой революции ассоциировался с торжеством «свободы» (которую каждый понимал по-своему) и воспринимался как своего рода предсказание о будущем России³². И так же, как и многие их современники, молодые российские историки, приступившие в 1870-е годы к изучению Революции, оказались адептами этого «культа», ведь они формировались в той самой социальной среде, где он процветал. Кареев, как раз начинавший тогда свой научный путь под руководством Герье, позднее вспоминал:

«Кто начал жить сознательной жизнью в шестидесятых-семидесятых годах минувшего века, тот не мог не задумываться над тем, когда и как захватит Россию в свой неуправляемый поток длительная западноевропейская революция, начавшая уже со времени декабристов оказывать влияние на передовые круги нашего общества»³³.

Не удивительно, что предложенный Герье подход к изучению Французской революции, по возможности, свободный от политизации, не встретил отклика в среде либеральной интеллигенции и что наиболее авторитетным и популярным в российском обществе конца XIX –

30 Герцен А.И. Публичные чтения г. Грановского // Герцен А.И. Сочинения в двух томах. Т. 1. М., 1985. С. 203.

31 Герцен А.И. Au citoyen rédacteur de l' «Homme» // Герцен А.И. Собр. соч. М., 1963. Т. 30. Кн. 2. С. 502 (оригинал на французском языке).

32 Подробнее см.: Чудинов А.В. Французская революция: история и мифы. М., 2007. Ч. 1. Гл. 1.

33 Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 289.

начала XX в. историком этой темы оказался не он, а его ученик Н.И. Кареев. Огромный научный и общественный авторитет Кареева, ставшего в тот период настоящим лидером «русской школы», объясняется не только его выдающимися способностями исследователя (каковыми, на мой взгляд, в полной мере обладал и Герье), но и тем, что его в целом довольно восторженное отношение к Французской революции отвечало настроениям либеральной части общества. Поэтому не Герье, а именно Кареев с учениками и единомышленниками определил путь дальнейшего развития этого направления российской историографии путь, сделавший ее частью мировой историографии «апологетического» (по определению Герье) или «классического» (по более позднему определению А. Соболя³⁴) направления.

Любопытно, однако, заметить, что сторонники этих разных путей в прямую полемику друг с другом обычно не вступали. Отчасти это, возможно, объясняется тем глубоким уважением, которое ученые «русской школы» питали к ее основателю и своему учителю Герье. Тот же Кареев, несмотря на то, что в их личных отношениях с Герье был период довольно длительного отчуждения (на защите докторской диссертации Кареева его наставник выступил с резкой критикой этой работы), всегда признавал себя его учеником³⁵. Возможно также, что университетские преподаватели Новой истории Запада старались избегать лишних конфликтов между собой, чтобы не ослаблять свою и так достаточно узкую профессиональную корпорацию, вынужденную постоянно отражать попытки консервативных кругов ограничить преподавание этого учебного курса. Как бы то ни было, позицию Герье по отношению к Французской революции, достаточно критичную и далекую от какой бы то ни было апологетики, никто из российских профессиональных историков напрямую не оспаривал. Однако тот же Кареев не раз выражал свое несогласие с нею косвенным путем — через критику Тэна, которого Герье, как мы видели, высоко ценил.

Впрочем, полемизировать с Тэном на равных российские историки не могли, поскольку для этого требовалось провести, по меньшей мере,

34 См.: *Соболь А.* Классическая историография Французской революции. О нынешних спорах // ФЕ. 1976. М., 1978

35 Подробнее см.: Золотарев В.П. В.И. Герье и Н.И. Кареев: к истории взаимоотношений // История идей и воспитание историей; Филимонов В.А. Н.И. Кареев и В.И. Герье: опыт реконструкции межличностных коммуникаций // Там же.

столь же солидные архивные разыскания, как и он сам. Для исследователей же из России, имевших возможность работать во французских архивах лишь набегами во время своих научных командировок (пусть даже длившихся по несколько месяцев, а то и лет), это было непросто.

Вот почему появление в 1907 г. работы известного французского ученого Альфонса Олара «Тэн – историк Французской революции»³⁶, с критическим разбором сочинения Тэна, стало настоящим подарком для всех, кто жаждал опровержения последнего. Вскоре после выхода труда Олара издатели либерального журнала «Современный мир» заказали автору ее резюме, чтобы ознакомить широкий круг российских читателей с кратким содержанием книги. Публикацию предварило довольно воинственное редакционное введение, где, в частности, говорилось:

«Вождь контрреволюционной историографии [Тэн] после книги Олара утратил безвозвратно тот колоссальный престиж, которым он так долго и незаслуженно пользовался»³⁷.

Вывод самого Олара по сути совпадал с этим утверждением: «Литературная фантазия, обманчивая, показная эрудиция – вот что такое книга Тэна о революции. <...> В итоге книга Тэна по своему общему значению кажется мне почти бесполезной для истории»³⁸.

В том же 1908 г. Кареев опубликовал в журнале «Русское богатство» статью «Тэн перед судом Олара», внешне выдержанную (в отличие от вышеупомянутого редакционного вступления «Современного мира») в достаточно нейтральных тонах. Автор, как бы занимая позицию рефери, даже журил Олара за «излишнюю горячность» в полемике:

«Я не скрою наперед и того, что в своей критике Тэна Олар не сумел удержать себя в рамках научного беспристрастия: то же самое, что он вообще говорит, можно было бы сказать в более спокойном тоне, и я даже утверждаю, что аргументация Олара выиграла бы в убедительности при большей объективности»³⁹.

И хотя сам Кареев такой «ошибки» не повторял и открыто не принимал в полемике чьей-либо стороны, его рассуждения строились таким образом, чтобы не оставить у читателя ни малейшего сомнения в правоте Олара. Начинался текст хвалой научным заслугам последнего:

36 *Aulard A.* Taine historien de la Révolution française. P., 1907.

37 Современный мир. 1908. № 10. С. 132.

38 *Олар А.* Тэн как историк // Там же. С. 145-146.

39 *Кареев Н.И.* Тэн перед судом Олара // Русское богатство. 1908. № 7. С. 171.

«Если бы меня спросили, кто в настоящее время может быть назван лучшим знатоком французской революции, то я, конечно, указал бы на Олара...⁴⁰» и т.д.

Далее следовала характеристика политических взглядов каждого из участников спора, дабы либеральная публика, читающая «Русское богатство» журнал, постоянно находившийся на грани закрытия за свою оппозицию правительству получила четкое представление о том, кто здесь «свой», а кто «чужой»:

«...В своих политических взглядах Тэн и Олар принадлежат к двум различным лагерям: Олар – демократ и республиканец, тогда как Тэн, слывший когда-то в реакционных кругах за вольнодумца и нечестивца, прославился как раз своим резко отрицательным отношением к принципам, положенным в основу демократизма и республиканизма великой революции, и тем самым приобрел популярность и авторитет среди реакционеров не одной притом Франции»⁴¹.

Дав читателям столь высокую научную («лучший знаток») и политическую («демократ и республиканец») рекомендацию Олара, Кареев далее фактически лишь воспроизводил его основные умозаключения, по сути, предлагая читателям принять их на веру:

«Дело велось, значит, методично, постепенно и, понятно, с большим вниманием. Какой же общий вывод Олара? А тот вывод, что труд Тэна “почти, как выражается критик, бесполезен для истории”. К такому выводу приходит он по проверке всех источников Тэна, сколько-нибудь доступных проверке и по рассмотрении способа, каким Тэн ими пользовался»⁴².

«Разбором отдельных больших эпизодов Олар доказывает ту общую свою мысль, что у Тэна не было ни охоты, ни терпения устанавливать причинную связь фактов, изучать их реальное соотношение, когда можно было просто их нагромождать и не для того, чтобы действительно что-либо объяснить, а для того, чтобы произвести известное впечатление, поразить воображение, вызвать изумление читателей»⁴³.

«Если даже только половину или треть того, что Олар объявляет в ней [книге Тэна] фантастичным, признать действительно таковым,

40 Там же. С. 170.

41 Там же. С. 171.

42 Там же. С. 172.

43 Там же. С. 179.

то авторитет Тэна как историка должен считаться совершенно подорванным критикой Олара, пусть и сама она местами может быть названа пристрастной, придирчивой, мелкой»⁴⁴.

И в заключение, на тот случай, если читатели по ходу чтения статьи вдруг забыли о «нейтральности» ее автора (что, признаем, было бы ничуть не удивительно), он вновь слегка пожурил Олара за «излишнюю резкость и односторонность», но сделал это так, чтобы не оставить ни малейших сомнений в том, на чьей стороне его собственные симпатии:

«Олар даже думает, что труд Тэна важен только для “умственной биографии” своего автора и нескольких современников – его учеников, отнюдь не для изучения самой изображаемой им эпохи. Быть может, такое заключение страдает излишней резкостью и односторонностью, но по чистой совести его нельзя считать совсем необоснованным»⁴⁵.

Таким образом, Кареев де-факто солидаризировался с основным выводом Олара, объявившего сочинение Тэна «контрреволюционным памфлетом», который не стоит внимания серьезных историков. Не удивительно, что в дальнейшем именно ссылка на авторитет Олара будет главным доводом в той критике, которую Кареев обратит напрямую против Тэна, а косвенно – против Герье как «большого поклонника этого историка»⁴⁶.

Впрочем, всего лишь два года спустя после выступления Олара его собственная аргументация в этой дискуссии была поставлена под сомнение другим французским исследователем Огюстеном Кошеном⁴⁷. Скрупулезно перепроверив по архивным материалам доводы Олара против Тэна, Кошен пришел к следующему заключению:

«...Из более 550 ссылок на 140 страницах “Стихийной анархии” [первая часть второй книги “Происхождения современной Франции” – А.Ч.] Тэна г-н Олар выделяет 28 существенных ошибок, которые нужно свести к 15, 6 ошибок в переписывании, 4 ошибки в страницах, 2 в датах и 3 типографских опечатки – в общем, приличное среднее арифметическое, до которого самому Олару, по крайней мере, в его книге о Тэне, очень далеко, поскольку он в своих по-

44 Там же.

45 Там же. С. 181.

46 См.: *Кареев Н.И.* Последние работы русских ученых. С. 319-320; *Он же.* Эпоха французской революции в трудах русских ученых. С. 95-97.

47 *Cochin A.* La Crise de l'histoire révolutionnaire : Taine et M. Aulard. P., 1909.

правках ошибается примерно в каждом третьем случае. <...> Труды Тэна выпало редкое счастье получить боевое крещение в стычке с противником столь же пристрастным, сколь и ученым. Он приобретает здесь то единственное признание, которого ему не хватает: признание тридцатилетней учености г-на Олара. Каждый приведенный Тэном факт отныне будет иметь два ручательства: ученость автора, который его утверждает, и страсть критика, который его оспаривает. И самые ревностные сторонники Тэна не рассердятся на меня, если я скажу, что второе не мешает первому»⁴⁸.

Правда, сам Кошен едва ли мог быть отнесен к числу «ревностных сторонников Тэна». Защитив последнего от высказанных Оларом сомнений в научной добросовестности, он, однако, на этом не остановился и провел собственный анализ примененной Тэном методологии исследования. Вывод Кошена носил далеко не комплиментарный характер: метод Тэна, считал он, позволяет получить подробное представление о ходе событий, но не объясняет их причины⁴⁹. Эта констатация стала для Кошена исходным рубежом в разработке «социологического метода» исследования Французской революции, основанного на идеях Э. Дюркгейма. Не стану здесь подробно останавливаться на описании данного метода, поскольку ранее уже не раз делал это в других публикациях. Отмечу лишь, что его продуктивность в дальнейшем довольно долго оспаривалась историками «классического» направления, пока, наконец, не получила широкое признание мировой историографии во второй половине XX в.⁵⁰

Но если на Западе с Кошеном хотя бы спорили, то в России его научные идеи остались практически незамеченными. По-настоящему они заинтересовали только... Герье. Опубликовав в 1911 г. обширное сочинение об интерпретации Французской революции Тэном⁵¹, патриарх «русской школы» отвел там место и взглядам Кошена. Хотя последний привлек внимание Герье, прежде всего, как участник полемики вокруг труда Тэна, автор книги не ограничился рассмотрением только этой

48 Кошен О. Кризис революционной истории. Тэн и г-н Олар // Кошен О. Малый народ и революция. М., 2004. С. 133-134.

49 См.: Там же. С. 140-141.

50 Подробнее см.: Чудинов А.В. Огюстен Кошен и его вклад в историографию Великой французской революции // ФЕ. 1987. М., 1989; Он же. Масоны и Французская революция XVIII в.: дискуссия длиною в два столетия // НиНИ. 1999. № 1.

51 Герье В.И. Французская революция 1789-95 г. в освещении И. Тэна. СПб., 1911.

стороны творчества Кошена и дал первое в российской историографии аналитическое изложение его концепции якобинизма⁵². Дабы оценить, насколько Герье опередил тут свое время, достаточно вспомнить, что вновь в поле зрения отечественных историков Французской революции работы Кошена окажутся только во второй половине 1980-х гг., то есть семь с половиной десятилетий спустя⁵³.

Почему же старик Герье, так рано оценив оригинальность идей Кошена, сумел сделать то, что оказалось не под силу его ученикам и более молодым коллегам? Самое простое объяснение, которое часто приводят в схожих случаях, это сходство их политических убеждений: мол, консерватор консерватора... Однако такое «объяснение», в действительности, мало что объясняет, поскольку концепция Кошена заинтересовала Герье, прежде всего, не в политическом или идеологическом, а в научном плане. Могу предположить, что решающую роль здесь сыграла все же не столько идеологическая близость их воззрений (на самом деле, более чем относительная), сколько та открытость Герье для восприятия научных достижений других историков, независимо от их политических убеждений, которую он демонстрировал с самого начала своей научной деятельности.

Напротив, для его коллег по «русской школе», добровольно вставших в ряды «апологетической» историографии Французской революции, даже научные идеи Кошена, являвшегося их идеологическим оппонентом, оказались неприемлемы. К тому же, «заметив» Кошена, пришлось бы «заметить» и его опровержение той критики, с которой Олар обрушился на Тэна и которая доставляла такое удовольствие либеральной общественности. Поэтому работы Кошена другими историками «русской школы», помимо Герье, были попросту проигнорированы.

Характерна в данном отношении позиция лидера «русской школы» – Кареева. Внимательный и дотошный историограф, он прекрасно знал современную ему научную литературу, охотно и часто писал о ней. Однако за всю свою научную карьеру он так и не нашел времени для аналитического разбора научной концепции Кошена и если мельком упоминал о нем, то исключительно как об «авторе замечаний на крити-

52 Там же. С. 463–470.

53 Подробнее см.: Чудинов А.В. Французская революция: история и мифы. Ч. 2. Гл. 1.

ку» Оларом Тэна⁵⁴.

Отвергая труды Тэна и Кошена по идеологическим соображениям, российская либеральная историография отказалась от применения в исторических исследованиях «психологического метода», предложенного Тэном, и социологических идей Э.Дюркгейма, использовавшихся Кошеном. В результате, эти методы, в дальнейшем широко освоенные зарубежной исторической наукой, в России до конца XX столетия практически не применялись. Научная целесообразность оказалась принесена в жертву идеологическим соображениям. Это был сознательный выбор, о чем Кареев так писал на склоне лет:

«И вот тут также задавался мне вопрос, не заставила ли меня наша революция переменить взгляд на Тэна. И опять я считал себя вправе сказать, что не имел ни малейшего для этого основания. По старой традиции, воспитавшейся на более ранних историях революции (Минье и Тьера, Мишле и Луи Блана), бывших ее апологиями, прежде всего бросалась в глаза казовая, героическая, праздничная сторона революции, сделавшаяся поэтической легендой. Клятва в Jeu de paume, взятие Бастилии, ночь 4 августа, праздник федерации, “Декларация прав”, “Марсельеза”, какие это, в самом деле, красивые, эффектные вещи, способные настраивать на повышенный тон. Но все это именно поэтическая, праздничная, казовая сторона революции, у которой была своя проза, свои будни, своя изнанка, рядом с героизмом, своя патология. Ее-то Тэн нарочито, но одно-сторонне выдвинул вперед. Наша революция в этом отношении для меня не представляла ничего нового, ничего, что было бы мне раньше неизвестно, и Тэн остался для меня таким же Тэном, каким был и раньше...»⁵⁵.

Единой выбрав путь апологетики «казовой» стороны Революции, мэтр «русской школы» остался верен ему до конца.

54 См.: *Кареев Н.И.* Последние работы русских ученых. С. 319-320; *Он же.* Эпоха французской революции в трудах русских ученых. С. 96; *Он же.* Историки Французской революции. Т. 3. Л., 1924. С. 158, 160.

55 *Кареев Н.И.* Прожитое и пережитое. С. 292.